

Россия как фактор внутренней политики в Европе

*Директор Фонда прогрессивной политики
Олег Бондаренко,
Президент Центра развития региональной политики
Илья Граценков,
Доктор экономических наук, профессор
Сергей Серебренников*

- 1. Поляризация политических сил в Европе после 24.02*
- 2. Свободен как птица - уход Бориса Джонсона, главного европейского ястреба-русофоба*
- 3. Скептики побеждают популистов или выборы в Средиземноморье*
- 4. Балканы наши - убедительная победа на выборах в Сербии и Боснии ориентированных на Москву лидеров*
- 5. Перспектива тотальных политических изменений в ЕС на фоне приближающегося энергокризиса с поставками ресурсов и выход на авансцену европейских контрэлит*

Нынешний 2022-й год, безусловно, войдет в историю как год большого перелома. 24 февраля с утра, когда первые заявления о начале Специальной военной операции России на Украине только начали появляться на лентах мировых агентств, каждый думающий понял, что мир уже не будет прежним. Россия уверенно и жестко заявила о своем праве на принятие политических решений о судьбе мира, действуя при этом в рамках последовательно проводимой с 2014 года политики.

Президент Путин, в своем Послании Федеральному Собранию еще в далеком 2005 году назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Но если тогда, на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия, эффект развала СССР почувствовали все, то и сегодня, спустя треть века, действия России также ощутимы. О первых эффектах для Европы авторы рассуждают в данном докладе.

1. Поляризация политических сил в Европе после 24.02

За восемьдесят лет, прошедших с момента окончания Второй мировой войны, в западной Европе сложилась стабильная политическая система, с лежащей в национальном ядре зачастую бипартийной моделью, при которой возникновение значимых альтернативных сил было практически

невозможным. Доминировавшей концепцией незыблемо представляла идея единой Европы, базирующейся на концепции атлантизма.

Конфликт на Украине, самый значимый с момента окончания войны на Балканах, привел к существенной смене риторики многих сил, обнажив копившиеся годами противоречия как внутри Евросоюза, так и усилив амбиции многих региональных держав, выведя их риторику в мейнстрим европейской политики.

Прежде всего, стоит отметить усиление «посттравматических комплексов» Польши, амбиции которой резко возросли в последний год. Если раньше к заявлениям польских властей прислушивались «постольку поскольку», то сейчас, в силу географического положения и роли этого государства в перевалке финансово-экономической и материальной помощи Украине, ее голос в Европе звучит на равных с ключевыми игроками. Шокирующие заявления о пересмотре итогов Второй мировой войны мало кого удивляют, но решение о выплате репараций – это все же деньги, и существенные. Заявления о необходимости выплаты Германией почти полутора триллионов евро подаются под соусом комментариев, что эта сумма незначительна для немецкого бюджета.

Наряду с Польшей стоит выделить и громогласность заявлений прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии, участие которых в политической жизни ЕС последнего года вызвано жутким страхом от соседства с Россией и Белоруссией. Заявления эти подчас противоречат как нормам здравого смысла, так и международному праву – от необходимости выстраивания стены на востоке до призывов к нанесению ядерных ударов по Москве.

Молдавия, роль которой в последние десятилетия сводилась лишь к поставке рабочей силы в Италию, неожиданно приобрела правосубъектность – опасения от прихода России в Приднестровье и отрезание севера черноморского бассейна от Европы позволила Молдавии говорить о собственной геополитической роли и смысле существования. Заявления Майи Санду с обвинениями Путина во всех бедах своего государства и попытка выторговать под это куски финансовой и военной помощи стали ключевыми в новостной повестке, скрыв текущие системные проблемы Молдавии – высокую безработицу, отсутствие экономического роста и проч.

При всей ярости и яркости заявлений стран Восточной Европы, главные процессы, пожалуй, фиксируются в Западной. Так неожиданно сменилась власть в Британии, в отставку ушел демиург Брекзита Борис Джонсон. О его отставке мы поговорим отдельно, выделив роль России в политическом кризисе 2022 года.

Существенный удар по нормам международной дипломатии был нанесен Эммануэлем Макроном, когда издание Le Temps опубликовало расшифровку секретных переговоров Президента Франции с Владимиром Путиным. Уже в этом разговоре Макрон дал понять, что Минские соглашения, способствовавшие прекращению гражданской войны на Донбассе, европейской стороной выполняться не планировались. И заявления экс-канцлера ФРГ Ангелы Меркель, случившиеся позже, фактически подтвердили это. Подобные политические демарши свидетельствуют о том, что Европа готовилась к затяжной войне на Востоке, демонстрируя единство в вопросе проведения антироссийской политики.

В целом общая риторика Европы носит единый характер, причем градус политической напряженности и уровень антироссийской повестки нарастает с запада на восток – чем ближе государство к России, тем более агрессивную риторику оно позволяет себе. Но, единство антироссийской политики Европы нарушают лишь два игрока – Президент Венгрии Виктор Орбан с его обоснованными опасениями энергокризиса и Президент Сербии Александр Вучич. Но о них речь пойдет в четвертом и пятом разделе нашего доклада. Отдельно упомянем и перспективы европейского хаба – Турции, в которой в следующем году запланированы выборы президента.

2. Свободен как птица - уход Бориса Джонсона, главного европейского ястреба-русофоба

Александр Борис де Пфэффель Джонсон – премьер-министр Великобритании, лидер Консервативной партии в 2019-2022 г.г. Скандальный журналист-сатирик, любимый колумнист Маргарет Тэтчер, острослов и гуляка. Идеолог Брежневизма. Один из самых ярких русофобов Европы.

Совершивший головокружительный взлет карьеры популист является типичным продуктом своей эпохи. Этапы его жизненного пути отражают сорокалетие атаки на традиции одного из самых консервативных государств Европы, а риторика Джонсона – пример социал-популизма, возведенного в степень. Всегда ли острословие и удачливость были спутниками Джонсона и какую роль Россия сыграла в биографии политика?

Взлет

Борис Джонсон по праву считается одним из отцов фейковой журналистики. Его перу принадлежат знаменитые бытовые европугалки – о сносе всех домов из асбеста, о запрете на продажу бананов гроздьями, запрет на чипсы со вкусом креветок – эксцентрик от журналистики писал все, что приходило в голову. Но все его эскапады находили отклик в обществе, благо

Борис активно пользовался темой евроскептицизма и лавировал на страхах обывателей посттэтчеровской Британии. Политологи до сих пор спорят чего было больше в его статьях – желания прославиться, скептицизма или тонкого карьерного расчета. Ведь часто бред про регламентацию грибов и вкус чипсов перемежался сообщениями о будущем засилии турецких мигрантов в случае вступления Турции в Европейский Союз, о кругленькой сумме, в которую обходится членство в ЕС Великобритании, а впоследствии и о Президенте России Путине, которого он называл очень коварным и т.д. В дальнейшем, в ходе кампании сторонников Брексита, использование фейков командой Джонсона обрело второе дыхание. Британцев запугивали запретом на ношение очков водителями, усыплением английских бульдогов, недопустимостью ношения килтов, переходом армии под командованием французов и даже объединением с Францией. Ложь и подтасовка фактов почему-то чрезвычайно нравились британцам.

В 2005 году карьера Бориса Джонсона совершает легкий занос. Его назначили «теневым» министром высшего образования. Правда популярности на ниве образования он не снискал, так как продвигал идею увеличения платы за обучение. Именно по этой причине в 2006 г. провалилась его попытка стать руководителем Эдинбургского университета, кампания в котором прошла под лозунгом «Кто угодно, кроме Бориса!». Именно этот штрих подчеркивает деструктивный характер Джонсона, который как жук-короед подтачивал всеми силами бытовой английский традиционализм (пример – популистская предвыборная кампания на пост мэра Лондона против успешного Кена Ливингстона), но которому совсем не по зубам оказалась твердыня одного из древнейших английских институтов – системы высшего образования с ее традициями незыблемости и университетскими братствами.

Возглавив Форин Офис в 2016-м, Джонсон привнес градус популизма и в международную дипломатию. Особо досталось американским политикам – Трампа Джонсон назвал сумасшедшим, а Хиллари Клинтон садисткой, Бараку Обаме намекнул на рабское прошлое его предков, и при этом, в ходе визита в Москву в 2017 году, на встрече с Лавровым много шутил и заявлял о любви к России и своих русских корнях. В дальнейшем активно использовал тему критики России, обвиняя ее в отравлении Скрипалей, развязывании конфликта на Донбассе, войне в Сирии обычно прикрывая этими популярными в обществе русофобскими заявлениями провалы собственных брюссельских переговоров.

В 2019 году, на фоне очевидных неудач Терезы Мэй, лидера британских консерваторов, запрос на весельчака Джонсона с его

нечеловеческим политическим везением оказался очень высок. Подав в отставку в знак слишком мягкой политики госпожи Мэй в деле Брексита, Джонсон вновь снял сливки популизма, заработав симпатии британских традиционалистов. Но главным фактором успеха Бориса стало распыление голосов конкурентов – на пост лидера тори выдвинулось рекордное число кандидатов.

Падение

Ситуация с выходом Великобритании из ЕС оказалась не столь однозначно положительной, как представлялось парой лет ранее. На фоне общего замедления экономического роста, ковидокризиса и увода актуальных экономических тем в сферу международного популизма Джонсон не смог сформулировать внятную повестку образа будущего для рядового британца.

Да, он вывел Консервативную партию из кризиса своей яркой лидерской позицией, но как всегда в популистских проектах, со временем, обнажилась определенная стратегическая пустота – отсутствие продуманного и четкого плана действий, обеспечивающего уверенность в завтрашнем дне как у избирателя, так и у представителей политических и финансовых элит.

Российский фактор в отставке Бориса Джонсона сыграл, скорее не ключевую, но довольно значимую роль. Фактически бездоказательные обвинения России в истории с семьей русских эмигрантов Скрипалей, когда общественности были представлены неподтвержденные факты и некая история визита двух русских мужиков в Солсбери, больше была похожа на сценарий плохого детективного романа с непродуманным сюжетом. В итоге эмигранты оказались живы, а виток напряжения в отношениях с Россией привел к высылке дипломатов и повышению градуса негатива в дипломатической риторике.

Жесткая позиция Джонсона по отношению к СВО на Украине часто помогала «господину премьер-министру» применять его излюбленный прием – уводить внимание публики от значимых тем в социал-популизм. Заявления о необходимости, в ущерб внутренним вопросам, всей Европой навалиться на Россию иллюстрируют старую поговорку – «ничто так не объединяет людей, как внешний враг». Даже если этот враг находится за тысячи километров, а опасность его сильно преувеличена. Собственно, об этом и говорил британский премьер весной-летом 2022 года – о сплочении всех политических сил для помощи Украине. Подобное сплочение, правда, подразумевало еще и большие финансовые вливания, не всегда носящие

прозрачный характер. Этим также воспользовались противники Джонсона, указав премьеру на нерешенность внутренних проблем Великобритании.

Значимым фактором оказалось и моментное бессилие Бориса Джонсона в ситуации захвата в плен в зоне СВО британских наемников, когда общественность требовала от своего премьера приложить все усилия для освобождения сограждан. Порученные Джонсоном дипломатические мосты оказались сильно сожжены, что негативно отразилось на имидже главного евро-ястреба.

В целом, на фоне массивной антироссийской пропаганды, политические элиты и общественное мнение Британии, склонились в пользу сосредоточенности на внутренних проблемах. Выбор между телевизором и холодильником был сделан в пользу холодильника, и на посту премьера Джонсона сменили сначала молниеносная и холодная как комета Лиз Трасс, а затем и Риши Сунак, запомнившийся своими финансовыми решениями на посту главы казначейства – широкими субсидиями, оказавшимися значимыми в условиях корона-стагнации. Разворачивающийся на фоне санкционной войны энергокризис в Европе еще только набирает обороты. Рост цен на товары повседневного спроса и на бытовые услуги еще долго будет рикошетить по европейцам.

Разразившийся гей-скандал с ближайшим соратником Джонсона стал той каплей, которая переполнила чашу копившихся претензий. Отставка эксцентричного Джонсона оказалась также яркой. Одновременное увольнение полсотни функционеров кабинета министров, последовавшее рекордно короткое премьерство Лиз Трасс, экономические проблемы и смерть «вечной» королевы Елизаветы II, все это говорит о высокой турбулентности британского порядка и о запросе на стабильность, которая, по логике, должна будет стать ключевой в риторике британских политиков в ближайшее время.

3. Скептики побеждают популистов или выборы в Средиземноморье

Итогами выборов 2022 года можно назвать рост «правых» настроений. В Италии и Израиле – победу одержали правоцентристские силы. Однако в двух странах – разные тенденции и запросы. Интересно сравнить «правых» по оба берега Средиземного моря.

Как пишут наши журналисты, в Италии пришли к власти постфашисты¹. Многие считают их наследниками Муссолини и задаются вопросом - стоит ли их бояться? При том, что пока правые партии только шли на выборы, многие называли их пророссийскими силами и даже «друзьями Путина». При этом, лидер партии «Братья Италии» «сестра» Джорджиа Мелони неоднократно высказывалась за продолжение поставок оружия Украине, однако крайне скептически реагировала на санкционную политику Евросоюза.

В Израиле ситуация схожая. Бывший премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху возвращается во власть при поддержке ультрарелигиозных партий и правонационалистического блока «Религиозный сионизм». Резкий рост поддержки последнего стал главным сюрпризом прошедших выборов в Кнессет. Либерально настроенные израильтяне бьют тревогу, опасаясь радикализации курса руководства страны — как во внутренней, так и во внешней политике. Впервые в парламент не прошла одна из старейших левых партий, а вторая – получила минимум голосов за всю историю.

Так почему звезда популизма закатилась, как и предрекаемая ранее волна популярности «новых левых»? Для этого следует более детально разобраться в повестке каждой из стран.

Италия

Миграционный кризис в ЕС внес свои изменения в политический ландшафт стран. Так, главное последствие в Италии — это изменения политического поля и возрастающее влияние правых и консервативных политических сил и движений. Антииммиграционная риторика используется как правыми партиями и движениями, так и частично перехватывается правящими партиями, как это было в Германии, Австрии, Франции и в самой же Италии, где сложилась наиболее сложная ситуация с миграцией и приемом беженцев.

Напомним, что на выборах 2018 г. наибольший результат получила коалиция правоцентристских партий, включающая в себя «Лигу Севера», «Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони и ультраправую партию «Братья Италии», которая получила скромный результат в 4-5%. Своим результатом коалиция была обязана «Лиге» с ее яркой евроскептической риторикой. В 2019-2020 годах риторика «Лиги» стала более умеренной. После переформирования итальянского правительства «Братья Италии» не вошли в состав новой коалиции, оставшись в оппозиции. В настоящее время, по

¹ https://lenta.ru/articles/2022/10/08/it_conserv/

опросам общественного мнения, рейтинг партии «Братья Италии» стремительно растет, показывая результаты до 25,8%, что делает ее первой по популярности.

«Братья Италии» («Fratelli d'Italia») – правая политическая партия, основана в 2012 г. группой политических деятелей: Иньяцио Ла Русса, Джорджей Мелони и Гвидо Крозетто. С 2014 года лидером является Джорджа Мелони, которая демонстрирует ультраконсервативную, антииммиграционную и антикоммунистическую риторику. В целом партия может быть названа партией вождистского типа, основанной на личном имидже Мелони. «Братья Италии» входит в основанную политическим «тяжеловесом» Сильвио Берлускони партийную коалицию правоцентристов, состоящую из «Forza Italia» самого Берлускони и «Лиги», харизматичный лидер которой Маттео Сальвини обладает премьерскими амбициями. После «пересборки» правительства Марио Драги в 2021 году в обновленный состав правительства вошли «Лига» и «Forza Italia», но не «Братья Италии». Это стало проявлением принципиально оппозиционных взглядов, которое в итоге привело к росту ее политических рейтингов.

Консервативная, националистическая, традиционалистская партия – стала хедлайнером на выборах 2022 года. Партия опирается на опыт «Национального Альянса» и сохраняет исторические связи с партиями национального консерватизма, выступая под лозунгом: «Бог, Родина и Семья» и провозглашает основными ценностями «духовное видение жизни, традиционную семью и ценности патриотизма». Партия также выступает против мультикультурного общества. «Братья Италии» выступают против так называемого *Jus soli* - принципа приобретения гражданства, согласно которому оно обусловлено местом рождения и не связано с наличием гражданства у родителей.

В области социальной политики «Братья Италии» также демонстрируют приверженность так называемым традиционным ценностям. В своей программе они указывают меры по стимулированию рождаемости, категорически выступают против однополых браков. Демонстрируют заинтересованность в поддержке правоохранительных структур. Важным компонентом социальной повестки партии являются предложения о повышении доступности жилья для всех групп населения - создании социальной ипотеки. В экономических вопросах обсуждаются также вопросы протекционизма, касающиеся защиты *Made in Italy*, такие как предоставление экономических преференций и поддержка местного товаропроизводителя и снижение налогового бремени.

Основные положения политической программы партии собраны в Манифест. С точки зрения международных отношений партия «Братья Италии» входит в альянс правоконсервативных политических движений Европы. Партия европейских консерваторов и реформистов (ЕКР) определяет себя как «ведущее консервативное движение Европы». С момента основания в 2009 г. они претендуют на то, чтобы стать одним из значимых политических движений Европы. На данный момент она представлена более чем 40 политическими партиями. Есть традиционно свойственные для правых партий и движений элементы евроскептицизма, относящиеся к «современному Евросоюзу». Часто именно правые партии высказывают свое несогласие с политикой официального Брюсселя.

В соответствии с принадлежностью к ЕКР «Братья Италии» как движение, целью которого является реализация своей политической программы, заявляют свой план, состоящий из 15 приоритетов, включающих социальную поддержку населения. Вторым приоритетом провозглашается националистический лозунг: «Сначала Италия и итальянцы». В этом «Братья Италии» не одиноки, такой же принцип провозглашает их партнер по правоцентристской коалиции «Лига». Здесь продвигается принцип защиты национального суверенитета.

Отдельным пунктом выделим евроскептицизм партии. Партия призывает к пересмотру всех договоров ЕС, начиная с фискального договора и единой валюты евро, а также выдвигает популистский лозунг: «Больше политики и меньше бюрократии в Европе». Партия предлагает закрепить положение о превосходстве национального в Конституции, а также заблокировать общеевропейские соглашения и директивы, вредные для Италии, включая Дублинский регламент.

В сфере внешней политики провозглашается необходимость защиты национальных интересов и корректировки оборонных ассигнований по средним параметрам. Для продвижения Италии во внешней политике «Братья Италии» предлагают уделять больше внимания итальянским общинам за рубежом как ценному инструменту содействия дипломатическим, экономическим и торговым отношениям с иностранными государствами. Присутствует у них и такой тезис, как «защита стратегических активов и производственных мощностей от иностранного влияния, таких, например, как нефтегазовые компании Enel, Eni. Кроме того, партия входит в партию ультраправых «Европейские консерваторы и реформисты» в сотрудничестве с испанской VOX, польской «Право и справедливость», Болгарским национальным движением.

Как уже указывалось, в программе «Братья Италии» борьба с нелегальной миграцией идет отдельным пунктом. Партия заявляет о необходимости постоянного пограничного контроля и даже военно-морского блокирования с немедленной репатриацией нелегальных мигрантов в результате соглашений с северными государствами Африки. «Братья Италии» позиционируют себя в качестве защитников христианской культуры. Они заявляют свое несогласие с политикой интеграции выходцев из мусульманских стран, предлагают ввести запрет на финансирование культовых сооружений со стороны фундаменталистских государств.

Популистские лозунги в большой мере присутствуют в программе партии. Так, например, один из них - «меньше налогов и меньше бюрократии», где партия выступает за сокращение роли государства и упрощение законодательства. Нужно отметить, что характерной чертой для итальянских партий XXI в. стало повышенное внимание к югу Италии. Это позволяет привлечь значительный процент итальянского электората. Так, в свое время итальянское «Движение 5 звезд» сделало ставку на привлечение голосов южных итальянцев, у которых много социально-экономических проблем, среди которых на первом месте безработица. В программе «Братьев Италии» появляется приоритет - «возрождение национальной экономики юга Италии». В рамках такого подхода предлагается ввести налоговый вычет для компаний севера Италии, которые открывают филиалы на юге, нулевые налоги для предприятий, работающих в самых неблагополучных районах юга, сокращение налогов для пенсионеров, итальянцев и иностранцев, переезжающих в Южную Италию. Предлагаются также налоговые льготы для тех, кто производит продукцию в Италии и нанимает только местную рабочую силу. При том, что часть повестки партии выглядит общенациональной, есть и характерные федералистские тезисы: корректировка полномочий, ресурсов и наследия Рима в соответствии со стандартами основных европейских столиц, укрепление местного самоуправления и полномочий мэров. Предлагается также президентская реформа республики путем прямых выборов главы государства или правительства.

Израиль

В начале ноября были подведены окончательные итоги очередных внеочередных (пятых за последние за всего 3,5 года) выборов в израильский парламент – кнессет. На этот раз с небольшим перевесом победили правые партии, которые и будут формировать очередную правительственную коалицию (37-го правительства), что было возложено президентом Израиля на лидера Ликуда – Биньямина Нетаньяху, который еще до предыдущих

выборов заключил соглашение с партиями, представляющими интересы религиозных ортодоксальных иудеев – ШАС и «Яхдут- ХаТора». С их мандатами и с мандатами прошедшей в кнессет ультраправой партии «Религиозный сионизм», занявшей третье место с 14 мандатами, у правой коалиции будет 64 мандата депутата кнессета из 120, и в связи с отсутствием принципиальных политических противоречий между этими партиями будущая правительственная коалиция, вероятно, продержится полную каденцию – все 4 года – до следующих очередных парламентских выборов. Единственным событием, которое сможет что-либо изменить в эти 4 года, это какое-либо судебное решение в отношении Биньямина Нетаньяху, поскольку слушания по открытым против него судебным делам будут возобновлены после закончившегося перерыва на религиозные праздники и на выборы.

Сформированная ранее правительственная коалиция политических противников Нетаньяху не смогла одержать победы, как в прошлый раз. Кроме лозунга «Только не Биби» другой политической повестки входящим в уходящую правительственную коалицию политическим партиям предложить не удалось. В частности, коалицию расколола разнонаправленная позиция религиозных сионистов и арабских партий по спорным территориям. Основной партии уходящей правительственной коалиции – партии «Еш Атид» – личной партии ее лидера Яира Лапида, удалось увеличить свое представительство в кнессете с 17 голосов до 24 голосов, но союзники по этой коалиции потеряли гораздо больше. Партии «Кахоль Лаван» Бени Ганца и «Тиква Хадаша» Гедеона Саара, пошедшие на последние выборы объединенным списком, получили 12 мандатов депутатов кнессета вместо 14 мандатов. Арабские партии на этот раз не пошли на выборы единым списком, и одна из этих партий – партия «БАЛАД» – не смогла пройти электоральный барьер, а голоса ее избирателей фактически пропали. Но суммарно оставшиеся две арабские партии получили 10 мандатов, сохранив ранее полученное число голосов в парламенте. При этом старейшая израильская партия, руководители которой были долгие годы премьер-министрами Израиля, партия «Авода» получила минимум мандатов электорального барьера – 4 мандата (на прошлых выборах всего 7 мандатов). Вторая из старейших израильских левых партий – партия «МЕРЕЦ», не раз в израильской политической истории входившая в правительственные коалиции, после 6 мандатов в кнессете предыдущего созыва в 2022 году не смогла преодолеть электоральный барьер. «Ультралевых» традиционно поддерживала тель-авивская интеллигенция, партия «МЕРЕЦ» всегда

отличалась яростной поддержкой ЛГБТ, а также была единственной израильской партией, устраивавшей антироссийские акции протеста.

«Ультраправые» также получили минимум. Партия «Ямина» Нафтали Беннета перед выборами раскололась, а партия бывшего главы МВД Айелет Шакед, которая успела побывать и министром юстиции под новым названием «Иудейский дом», не преодолела электоральный барьер. Голоса еврейских поселенцев на спорных территориях были отданы крайне правой израильской партии «Религиозный сионизм», получившей 14 мандатов.

Эксперты фиксируют тенденцию движения Израиля к ультраправому и частично теократическому государству. Основание у тенденции – демографические процессы. С каждым годом число религиозных евреев увеличивается, они формируют собственный политический запрос. Перед новым израильским правительством будут стоять проблемы связанные с необходимостью примирения общества, которое все больше раскалывается по религиозному и светскому принципу. Необходимость финансирования огромных военных расходов, поддержка неработающих ортодоксальных иудеев — это ощутимые расходы не самого профицитного бюджета.

Практически до самого закрытия избирательных участков израильские политики активно призывали граждан страны прийти проголосовать. В итоге явка действительно оказалась рекордной — 71,3%. Это самый высокий показатель с 2015 года. Напомним, что для формирования правительства любой израильский политик должен заручиться поддержкой как минимум 61 депутата Кнессета и **пока новое правительство до сих пор не сформировано.**

Подводя итог, можно заключить, что впервые «правые» партии побеждают на выборах почти за пол века. В Италии ждут исторических перемен, а в Израиле – ждут возвращения центристов. На фоне глубочайшего мирового экономического кризиса политический курс обеих стран может резко измениться. Везде нарастают антимигрантские настроения, усугубляемые ростом безработицы и инфляцией.

Резкий уклон вправо стал общеевропейским трендом и с этим придется жить ближайшие 5 лет. Именно чрезмерная либерализация жизни, прием мигрантов и внедряемый властями мультикультуризм привели к росту правых настроений. При этом правые силы научились уходить от чисто национальной риторики и становиться объединяющими центристскими силами.

С одной стороны, они вынуждены искать поддержку избирателей прежде всего в национальных парламентах, что особенно хорошо видно в Израиле. С другой стороны, чем больше влияние крайне правых партий, тем

больше у них возможности выступить единым фронтом и на более высоком и результативном уровне, что упрочит их позиции в государстве. Взаимная поддержка друг друга крайне правыми политиками (пример – Италия и три основные «правые» партии) являются яркой чертой их политической деятельности, однако, эти объединения и союзы недолговечны, что, прежде всего, объясняется отсутствием общей идеологической основы. Стратегические цели, являющиеся объединяющей основой для крайне правых партий, имеют свойство меняться, что в итоге отражается на дальнейшей судьбе коалиции. Важным остаётся и репутационный аспект, который влияет на выбор союзников в той или иной коалиции. Риторика крайне правых партий в своём большинстве похожа, неспособность традиционных партий ответить на современные вызовы всё так же помогает популистам и евроскептикам привлекать новых избирателей.

Одной из интереснейших черт подавляющего большинства правых партий является антиглобализм и в противовес ему сотрудничество с антиглобалистскими странами (например, с Россией). Усиление евроскептических и популистских идей, успехи крайне правых партий как на местном, так и на международном европейском уровне только будут усиливаться как ответ на политику Европейского союза, неспособного в полной мере удовлетворить потребности европейского электората. В этом смысле интересно сравнить опыт «южной» Италии и «европейского» Ближнего Востока в лице Израиля. Разнонаправленные тенденции приводят к единому результату – потере власти традиционными «левыми» силами и повышению уровню поддержки «новых правых», которые научились создавать эффективные коалиции как с властью, так и с новыми, только набирающими силу

4. Балканы наши или убедительная победа на выборах в Сербии и Боснии пророссийских лидеров

На Балканах традиционно российский фактор чрезвычайно силён. Это в очередной раз продемонстрировали прошедшие президентские и парламентские выборы в Сербии и Боснии и Герцеговине. Несмотря на колоссальное внешнее давление, власти Белграда и Баня-Луки не позволили сделать свои страны частью кампании антироссийских санкций. Это оказалось возможно в силу понимания ими важности российского фактора. Согласно проводившимся на протяжении весны-лета социологическим опросам, уровень поддержки действий России в Сербии и в Республике Сербская Боснии и Герцеговины был уверенно высоким. В Белграде даже

проходили несколько раз манифестации солидарности с действиями Москвы, собиравшие более десяти тысяч человек. Данный фактор, очевидно, был далеко не последним, придававшим сербскому лидеру уверенности в правильности своих действий. Начавшиеся 24 февраля события в известной степени мобилизовали электорат двух основных пророссийских политиков Балканского полуострова – Александра Вучича и Милорада Додика. Но обо всём по порядку.

Состоявшиеся 3 апреля очередные президентские выборы (предыдущие были в 2017м), по предложению президента Сербии были совмещены с внеочередными парламентскими (в прошлый раз парламент выбирали в июне 2000го). Это было сделано в целях большей репрезентативности политического выбора, так как в пандемийном 2020м только три политические силы смогли преодолеть пониженный проходной барьер в Народную Скупщину – и все три стали частью большой парламентской коалиции, сформировавшей правительство. Такого в истории современной Сербии не происходило ни разу. Потому сразу после этого Вучич объявил об ограниченном сроке работы парламента и намерении провести внеочередные выборы менее чем через два года, совместив их с президентскими. Расчёт оказался оправдан – в новой Скупщине представлены целых семь политических сил, при этом партия президента вместе с союзниками сохранила уверенное большинство. И овцы целы, и волки сыты. Зато во многом благодаря начавшейся СВО существенно укрепился «правый» фланг – сразу три политические силы, выступающие за усиление связей с Москвой, прошли в состав парламента – движение «Надежда» сменщика Воислава Коштуницы во главе Демократической партии Сербии Милоша Йовановича, движение «Заветники» юной звезды сербской политики Милицы Стаменковски и «Двери» скандально известного оппозиционера Бошко Обрадовича.

Избирательная кампания действующего президента и его Сербской прогрессивной партии проходила под единым нарративом «Мир. Стабильность. Вучич», что для прошедшей свой долгий путь войн и санкций Сербии было более чем оправданно. Сербское население, в массе своей поддерживая действия России, при этом настроено против любых войн и конфликтов, а также сохранило в себе эмпатию по отношению к их жертвам и беженцам. Потому органично сочетается в себе солидарность с Москвой и приём новых русских эмигрантов-релокантов. Новая геополитическая реальность помогла Александру Вучичу второй раз в новейшей истории страны избраться президентом Сербии в первом же туре с более чем трёхкратным отрывом от ближайшего оппонента (61% против 17%). Притом,

время проведения выборов сыграло свою значительную роль – 3 апреля у сербов ещё не прошёл запал активной поддержки СВО. И на голосовании за Вучича, а также других политиков, поддерживающих Москву, это также отразилось.

Отдельного внимания в этой связи заслуживает важный элемент избирательной кампании движения «Двери», прошедшего в новый созыв Народной Скупщины на грани трёхпроцентного барьера. Известный своими скандальными выходками в прежние годы лидер движения Бошко Обрадович решил не изменять себе и в этот раз – не найдя ничего лучше, он просто сделал фотомонтаж с Владимиром Путиным, и завесил билбордами с этой «фотографией» полстраны. Вполне вероятно, что именно эта фейковая фотография помогла «Дверям» не пролететь мимо нового парламента.

Озвученная президентом Сербии Александром Вучичем уже спустя два дня после начала СВО на заседании Совета национальной безопасности позиция – Сербия сохраняет свой нейтралитет, призывает к скорейшему миру и не будет вводить никаких санкций – остаётся неизменной до сегодняшнего дня и с огромной долей вероятности будет продолжать оставаться актуальной, несмотря на всё внешнее давление. Вучич заявил прямым текстом, что санкции против РФ он вводить не будет. Это связано как с этапами его собственной биографии политика-русофила, так и с общественными настроениями среди сербов. Любая попытка «качнуться» в сторону коллективного Запада будет воспринята абсолютным большинством населения как акт предательства и вызовет моментальные массовые протесты. Кроме того, не стоит забывать, что вопрос теоретического присоединения Сербии к антироссийским санкциям является лишь частью требований Запада к Белграду, продолжением которых является столь же ультимативное требование признания независимости самопровозглашённой республики Косово. Что считается немислимым для любого сербского политика.

На Вучича давят всё активнее – прогноз о спокойствии на Балканах до момента окончания активных военных действий на Украине не оправдывается. Возможно, на это всё и нацелено – в сложившейся ситуации Россия вряд ли сможет оказать Сербии военную поддержку, а в одиночку Белграду будет достаточно сложно. Особенно в случае ввода ограниченного контингента в Косово, где ему придётся столкнуться не только с косовским спецназом (не более 3000 бойцов), но и возможно с военным противодействием KFOR, подчиняющегося НАТО. А воевать с НАТО сербам, конечно, не с руки.

Потому сербский лидер настаивает на том, что, прежде всего, использует все возможности для сохранения мира. Оно и понятно – главной жертвой возобновления военного конфликта в Косово станут сербы. До сегодняшнего дня экономика страны на протяжении нескольких последних лет была лидером по темпам роста в Европе. Инвестиции из Персидского залива, Китая, Германии, России, Турции и других стран делали Сербию настоящим перекрёстком торговых путей. Терять это с новой войной никому не хочется. В тоже время сохранить лицо, защитить своих сограждан Вучичу крайне важно. Его недавняя апелляция к признанию Меркель о том, что-де «Минские соглашения были нужны для того, чтобы подготовить Украину к войне», говорит о серьёзных переменах в настроении сербского президента, прежде с известной симпатией относившегося к Берлину. Так же, как и отсутствие в новом правительстве знаковых прозападных политиков типа экс-министра энергетики Зораны Михайлович и, наоборот, присутствие в нём на посту главы главного спецслужбы БИА друга Сергея Шойгу Александра Вулина.

Складывается ощущение, что стоящие за Приштиной внешние силы (Вашингтон, Лондон, Берлин) как будто ждали объявления нового сербского кабинета министров, чтобы начать действовать. Агрессивнее всех теперь выступает Германия – устами своего министра иностранных дел Анналены Бербок уже заявила о недопустимости ввода Белградом своих сил безопасности на территорию Косово даже в прописанном резолюцией 1244 Совбеза ООН формате. То есть, Германия против резолюции, которую же сама и поддержала. Верховный представитель ЕС по внешней политике Жозеп Боррель требует от Сербии убрать баррикады косовских сербов – как будто не знает, что это их единственное средство гражданской самозащиты, и Белград тут вообще не при чём. Параллельно с этим голландский парламент уже выступил с обращением к Еврокомиссии закрыть гражданам Сербии безвизовый въезд в ЕС «из-за хорошего отношения к России». И я не исключаю, что эта инициатива найдёт поддержку.

Таким образом, угроза возобновления конфликта в Косово становится исключительно инструментом давления Запада на Сербию с целью присоединения к антироссийским санкциям и следованию в общем русле политики ЕС. Не более того. Однако в этом качестве оно способно быть задействованным в любой подходящий момент. Строптивые сербы хотят продолжать получать российскую нефть? Разморозим конфликт в Косово. В Сербии продолжают, как ни в чём ни бывало, работать подсанкционные российские компании? Дадим отмашку приштинскому спецназу устроить

перестрелку на границе. Вучич продолжает переговоры с Москвой? Ответ известен.

Сербский лидер Александр Вучич очень ценит экономический рост в стране, начавшийся при нём, прервав падение впервые с конца 1980-х. Потому многовекторность Белграда на практике – не прихоть, а естественная потребность и единственная возможность для этой маленькой страны быть перекрёстком торговых путей и отношений различных центров влияния. Бесконечные угрозы этому, с одной стороны, держат сербскую власть в постоянном тонусе, но с другой – создают пространство для защиты своего особого нейтрального статуса. Кстати, именно при Вучиче в преамбулу Конституции страны был добавлен пункт о военном нейтралитете Сербии, поставивший крест на любых, даже умозрительных разговорах прозападных политиков о возможном членстве в НАТО.

Для сохранения политико-экономического баланса Белграда руководству страны приходится идти на чудеса геополитической эквилибристики. Но альтернативной этому непростому занятию является прозябание в хвосте Европы. И ни Белграду, ни Москве, ни Пекину это не выгодно. Нынешняя ситуация постоянных провокаций Вучича, очевидно, будет продолжаться ещё с большей частотой. Если прежде обострения в Косово случались раз в два года, теперь практически ежеквартально. Избранная тактика повторения успешного югославского опыта как центра неприсоединения себя в полной мере оправдывает. Значит нынешняя сербская власть будет её придерживаться до самой последней возможности. Не вводить санкции против Москвы, не признавать Косово Александр Вучич не будет. Скорее он подаст в отставку, предоставив принимать фатальные решения другим. Если этого не произойдёт, до 2027 года Сербия будет оставаться практически единственной дружественной России страной в Европе. Сербское окно возможностей будет оставаться открытым. Воспользуется ли им Россия? Пока Москва предпочитает турецкую или эмиратскую площадки. Оправдано ли? У Эрдогана на носу тяжёлая избирательная кампания с весьма вероятной перспективой поражения, у нефтяных принцев Залива на уме только максимизация нефтяной выручки. Опирается на них всерьёз вряд ли стоит.

На прошедших 2 октября 2022 года всеобщих выборах в Боснии и Герцеговине лидер боснийских сербов Милорад Додик и коалиция вокруг его политической силы «Союз независимых социал-демократов», несмотря на серьёзное противодействие оппонентов, сумели победить и защитить результаты выборов. Правда в этот раз отрыв от основного конкурента составил всего 5 процентов (47% у Милорада Додика против 42% у Елены

Тривич). Это стало следствием накопившейся усталости от Додика, занимающего различные посты в руководстве Республики Сербской и Боснии и Герцеговины на протяжении последних 20 лет. При этом его партия «Союз независимых социал-демократов» сумела взять 41 процент голосов на выборах в Республике Сербской и впервые стать главной политической силой на уровне Боснии и Герцеговины, получив почти 45 процентов мандатов в Парламентской Ассамблее БиГ. Это впервые позволит одной политической силе сформировать власть как на уровне сербского энтитета, так и на общепоснийском уровне. Вместе с хорватскими партнёрами Милорад Додик может сформировать новое правительство, в котором представитель сербов вероятно займёт кресло министра иностранных дел Боснии и Герцеговины. Это позволит вывести данную страну на уровне главы внешнеполитического ведомства из списка поддерживающих антироссийские санкции.

Отдельно стоит упомянуть, что после начала СВО из всех европейских политиков только член Президиума БиГ Милорад Додик дважды приезжал в Россию на встречу с Владимиром Путиным – первый раз в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума в июне, второй раз в конце сентября в Москву. Последний визит Додика, в котором принимала участие экс-президент Республики Сербской, а теперь член Президиума БиГ Желька Цвиянович состоялся аккурат за 12 дней до даты выборов и призван был подчеркнуть поддержку Владимира Путина давнему политическому союзнику в Боснии.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать – с момента начала СВО роль России как внутривосточного фактора на Балканах только выросла, промотивировав традиционных сторонников Москвы выступать более активно как на политическом пространстве, так и на выборах.

5. Перспектива тотальных политических изменений в Европе на фоне приближающегося энергокризиса с поставками ресурсов и выход на авансцену европейских контрэлит

Как говорится в старой русской поговорке – на войне все средства хороши. И в условиях санкционного давления на Россию, целью которого является снижение, прежде всего, экономического потенциала, Европа готова отказываться от прямой торговли с Россией, и, прежде всего, перестать покупать у нее энергоресурсы. Внесение ряда компаний и лиц в запретные списки, установление потолка цен – все это разрушает годами существовавший, абсолютно стабильный (даже в условиях военного

противостояния) энергетический коридор, благодаря которому была обеспечена как европейская промышленность, так и тепло домохозяйств.

Сегодня даже самые отчаянные русофобы говорят о последствиях для Европы в результате отказа от российского газа. Последствия эти будут иметь отложенный эффект – да, на сегодня все газохранилища полные, но в каком объеме потребуется энергия завтра говорят лишь эксперты, политики предпочитают делать антироссийские заявления.

Энергетический кризис Европы приобретает все более существенные очертания. По оценкам Международного энергетического агентства, опубликованным 12 декабря, ЕС потребуются более трети триллиона евро на преодоление его последствий. Ситуация осложняется тем, что традиционно используемая энергия ветра, занимающая определенную часть вырабатываемых мощностей Европы, дала сбой из-за довольно безветренной погоды последних лет. В целом, по статистике, падают нормы выработки электроэнергии. У многих стран ядерные электростанции на ремонте или законсервированы. Сейчас даже Франции может потребоваться импорт электроэнергии, что меняет динамику развития всех ее соседей. Великобритания, Германия, Испания — всем придется отправлять импорт во Францию, то есть у них самих электричества станет меньше.

Поскольку быстро восполнить дефицит энергопоставок Европа не в состоянии, в игру вступает второй элемент уравнения: снижение спроса. Многие страны разработали рекомендации для домохозяйств и предприятий по добровольному сокращению потребления энергоресурсов, такие как ограничение отопления в офисах, выключения света на ночь и использование сушильных машин в строго отведенное для этого время.

Незаметно из повестки исчезла экология. Европа, отказываясь от российского газа, начала топить углем, вернув себе неповторимый запах и заболевания органов дыхания у граждан. Конечно, все разом позабыли о задачах достижения экологической нейтральности, ведь на кону вопрос выживания.

В подобной ситуации есть надежда на то, что холодная зима охладит пыл основных ястребов европейской политики, а голос тех, кто выступает за более мягкий путь выстраивания диалога с Россией, (таких как, например, премьер Венгрии Виктор Орбан) станет более слышим и займет место популистов.

Немаловажным фактором нового миропорядка в Европе выступает и Турция, столь активно стремящаяся в ЕС, а в сегодняшнем моменте выступающая переговорным, энергетическим и политическим хабом в отношениях с Россией.

Перспективы Реджепа Тайипа Эрдогана и его партии «Справедливость и развитие» на грядущих в июне 2023 года президентских и парламентских выборах в Турции на данный момент вызывают большие вопросы. Существует, главным образом, два проблемных фактора. Первый – это позиция традиционно сильной в политическом смысле турецкой армии. Конечно, после неудачной попытки государственного переворота 2016 года Эрдоган в достаточной степени «зачистил» армию от оппозиционных элементов, но быть абсолютно уверенным во всей армейской структуре, вплоть до офицеров среднего звена, турецкий президент вряд ли может.

Второй проблемный момент – это общая усталость от многолетнего правления турецкого лидера у жителей крупных городов. Ведь не секрет, что Эрдоган уже давно выражает мнение провинции, в мегаполисах же он имеет очень скромный уровень поддержки. В особенности, это касается Стамбула – центра эрдогановской оппозиции.